

С. Ф. ПЛАТОНОВ

Лекции по русской истории

Учебник русской истории

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Взгляды науки и русского общества на Петра Великого. — Положение московской политики и жизни в конце XVII века. — Время Петра Великого. — Время от смерти Петра Великого до вступления на престол Елизаветы. — Время Елизаветы Петровны. — Петр III и переворот 1762 года. — Время Екатерины II. — Время Павла I. — Время Александра I. — Время Николая I. — Краткий обзор времени императора Александра II и великих реформ

ВЗГЛЯДЫ НАУКИ И РУССКОГО ОБЩЕСТВА НА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В научных трудах очень часто XVIII и XIX вв. представляются особым периодом в историческом развитии нашей государственной жизни. Этому периоду усвоено несколько названий: одни зовут его «Императорским», другие «Петербургским», третьи просто называют это время новой русской историей,

Новую русскую историю обыкновенно начинают с так называемой эпохи преобразований нашего общественного быта. Главным деятелем этих преобразований был Петр Великий. Поэтому время его царствования представляется нашему сознанию той гранью, которая отделяет старую Русь от преобразованной России. С этой грани нам и должно начать свое изучение последней и прежде всего, стало быть, познакомиться с сущностью преобразований и с преобразовательной деятельностью Петра.

Но деятельность Петра до сих пор не имеет в нашем общественном сознании одной твердо установленной оценки. На преобразования Петра смотрели разное его современники, смотрим

разно и мы, люди XIX и начала XX в. Одни старались объяснить себе значение реформы для последующей русской жизни, другие занимались вопросом об отношении этой реформы к явления предшествовавшей эпохи, третьи судили личность и деятельность Петра с нравственной точки зрения.

Ведению историка подлежат, строго говоря, только две первые категории мнений, как исторические по своему существу. Знакомясь с ними, мы замечаем, что эти мнения иногда резко противоречат друг другу. Происходят такие несогласия от многих причин: во-первых, преобразования Петра, захватывая в большей или меньшей степени все стороны древнерусской жизни, представляют собой такой сложный исторический факт, что всестороннее понимание его трудно дается отдельному уму. Во-вторых, не все мнения о реформах Петра выходят из одинаковых оснований. В то время как одни исследователи изучают время Петра с целью достичь объективного исторического вывода о его значении в развитии народной жизни, другие стремятся в преобразовательной деятельности начала XVIII в. найти оправдания тех или иных своих воззрений на современные общественные вопросы. Если первый прием изучения следует назвать научным, то второму всего приличнее название публицистического. В-третьих, общее развитие науки русской истории всегда оказывало и будет оказывать влияние на представления наши о Петре. Чем больше мы будем знать нашу историю, тем лучше мы будем понимать смысл преобразований. Нет сомнения, что мы находимся в лучшем положении, чем наши предки, и знаем больше, чем они, но наши потомки то же скажут и о нас. Мы откинули много прежних исторических заблуждений, но не имеем права сказать, что знаем прошлое безошибочно — наши потомки будут знать и больше, и лучше нас.

Но говоря так, я не хочу сказать, что мы не имеем права изучать исторические явления и обсуждать их. Повинуясь присущему нашему духу стремлению не только знать факты, но и логически связывать их, мы строим наши выводы и знаем, что самые наши ошибки облегчат работу последующим поколениям и помогут им приблизиться к истине, так же как для нас самих поучительны и труды, и ошибки наших предков.

Не мы первые начали рассуждать о Петре Великом. Его деятельность уже обсуждали его современники. Их взгляды сменялись взглядами ближайшего потомства, судившего по преданию, понаслышке, а не по личным впечатлениям. Затем место преданий заняли исторические документы. Петр стал предметом научного ведения. Каждое поколение несло с собой свое осо-

бое мировоззрение и относилось к Петру по-своему. Для нас очень важно знать, как в различное время видоизменялось это отношение к Петру нашего общества.

Современники Петра считали его одного причиной и двигателем той новизны, какую вносили в жизнь его реформы. Эта новизна для одних была приятна, потому что они видели в ней осуществление своих желаний и симпатий, для других она была Ужасным делом, ибо, как им казалось, подрывались основы старого быта, освященные старинным московским правове­рием, равнодушного отношения к реформам не было ни у кого, так как реформы задевали всех. Но не все одинаково резко выражали свои взгляды. Пылкая, смелая преданность Петру и его делу отличает многих его помощников; страшная ненависть слышится в отзывах о Петре у многих поборников старины. Первые доходят до того, что зовут Петра «земным богом», вторые не боятся называть его антихристом. И те, и другие признают в Петре страшную силу и мощь, и ни те, ни другие не могут спокойно отнестись к нему, потому что находятся под влиянием его деятельности. И преданный Петру Нартов, двадцать лет ему служивший, и какой-нибудь изувер-раскольник, ненавидевший Петра всем своим существом, одинаково поражены Петром и одинаково не способны судить его беспристрастно. Когда умер Петр и кончилась его реформационная деятельность, когда преемники, не понимая его, часто останавливали и портили начатое им, дело Петра не умерло и Россия не могла вернуться в прежнее состояние. Плоды его деятельности — внешняя сила России и новый порядок внутри страны — были на глазах у каждого, а жгучая вражда недовольных стала воспоминанием. Но многие сознательно жившие люди и долго спустя после смерти Петра продолжали ему удивляться не меньше современников. Они жили в созданной им гражданской обстановке и пользовались культурой, которую он так старательно насаждал. Все, что они видели вокруг себя в общественной сфере, вело начало от Петра. О Петре осталось много воспоминаний; о том же, что было до него, стали забывать. Если Петр внес в Россию свет просвещения и создал ее политическую силу, то до него, как думали, была «тьма и ничтожество». Так приблизительно характеризовал допетровскую Русь канцлер граф Головкин, поднося Петру титул императора в 1721 г. Он выразился еще резче, говоря, что гением Петра мы «из небытия в бытие произведены». В последующее время эта точка зрения замечательно привилась: Ломоносов называл Петра «богом», ходячее стихотворение звало его «светом» России. Петра считали творцом всего, что находили

хорошего вокруг себя. Видя во всех сферах общественной жизни начинания Петра, его силы преувеличивали до сверхъестественных размеров. Так было в первой половине XVIII в. Вспомним, что тогда не существовало еще исторической науки, что возможность просвещения, данная Петром, создала еще лишь немногих просвещенных людей. Эти немногие люди судили Петра по тому преданию, какое сохранилось в обществе о времени преобразования.

Но не все, что было в России после Петра, было хорошо. Не всем, по крайней мере, оставались довольны мыслящие люди XVIII в. Они видели, например, что усвоение западноевропейской образованности, начатое при Петре, превращалось часто в простое переименование культурной внешности. Они видели, что знакомство с Западом с пользой приносило к нам часто и пороки западноевропейского общества. Далеко не все русские люди оказывались способными воспринять с Запада здоровые начала его жизни и оставались грубыми варварами, соединяя, однако, с глубоким невежеством изящную внешность европейских щеголей. Во всех сатирических журналах второй половины XVIII в. мы постоянно встречаем нападки на этот разлад внешности и внутреннего содержания. Раздаются голоса против бестолкового заимствования западных форм. Вместе с тем развитие исторических знаний позволяет уже людям XVIII в. оглянуться назад, на допетровское время. И вот многие передовые люди (князь Щербатов, Болтин, Новиков) темным сторонам своей эпохи противопоставляют светлые стороны допетровской поры. Они не развенчивают деятельности Петра, но и не боготворят его личности. Они решаются критиковать его реформу и находят, что она была односторонней, привила нам много хорошего со стороны, но отняла от нас много своего хорошего. К такому выводу они приходят путем изучения прошлого, но это изучение далеко не спокойно; оно вызвано недостатками настоящего и идеализирует прошлую жизнь. Однако эта идеализация направлена не против самого Петра, а против некоторых последствий его реформы. Личность Петра и в конце XVIII в. окружена таким же ореолом, как и в начале столетия. Императрица Екатерина относится к нему с глубоким уважением. Находятся люди, посвящающие всю свою жизнь собранию исторического материала, служащего к прославлению Петра, — таков купец Голиков.

Во второй половине XVIII в. зарождается уже наука русской истории. Но историки того времени или усердно собирают материалы для истории (как Миллер), или заняты исследованием древнейших эпох русской жизни (Ломоносов, Байер¹, Штри-

тер², Татищев, Щербатов, Шлецер³). Петр еще вне пределов их ведения. Первую научную оценку получает он от Карамзина. Но Карамзин как историк принадлежит уже XIX веку. Ученый по критическим приемам, художник по натуре и моралист по мировоззрению, он представлял себе русскую историческую жизнь как постепенное развитие национально-государственного могущества. К этому могуществу вел Россию ряд талантливых деятелей. Среди них Петру принадлежало одно из самых первых мест: но, читая «Историю государства Российского» в связи с другими историческими трудами Карамзина, вы замечаете, что Петру как деятелю Карамзин предпочитал другого исторического деятеля — Ивана III. Этот последний сделал свое княжество сильным государством и познакомил Русь с западной Европой безо всякой ломки и насильственных мер. Петр же насильствовал русскую природу и резко ломал старый быт. Карамзин думал, что можно было бы обойтись и без этого. Своими взглядами Карамзин стал в некоторую связь с критическими воззрениями на Петра упомянутых нами людей XVIII в. Так же, как они, он не показал исторической необходимости петровских реформ, но он уже намекал, что необходимость реформы чувствовалась и ранее Петра. В XVII в., говорил он, сознавали, что нужно заимствовать с Запада; «явился Петр» — и заимствование стало главным средством реформы. Но почему именно «явился Петр», Карамзин еще не мог сказать.

В эпоху Карамзина началось уже вполне научное исследование нашей старины (Карамзину помогали целые кружки ученых людей, умевших не только собирать, но и исследовать исторический материал). Вместе с тем в первой половине XIX в. в русском обществе пробуждалась сознательная общественная жизнь, распространялось философское образование, рождался интерес к нашему прошлому, желание знать общий ход нашего исторического развития. Не будучи историком, Пушкин мечтал поработать над историей Петра. Не будучи историком, Чаадаев принялся размышлять над русской историей и пришел к печальному выводу, что у нас нет ни истории, ни культуры.

Обращаясь к прошлому, русские образованные люди не имели специальных исторических знаний и вносили в толкование прошлого те точки зрения, какие почерпали в занятиях немецкой философией. Германская метафизика XIX в. очень влияла на русскую образованную молодежь, и особенно метафизическая система Гегеля⁴. Под влиянием его философии в 30-х и 40-х годах в России образовались философские кружки, выработавшие цельное мировоззрение и имевшие большое влияние на ум-

ственную жизнь русского общества середины XIX в. В этих кружках принципы германской философии применялись к явлениям русской жизни и вырабатывалось, таким образом, историческое мирозерцание. Самостоятельная мысль этих «людей 40-х годов», отправляясь от данных германской философии, приходила к своим особым выводам, у разных лиц не одинаковым. Все последователи Гегеля между прочими философскими положениями выносили из его учения две мысли, которые в простом изложении выразятся так: первая мысль — все народы делятся на исторические и неисторические, первые участвуют в общем мировом прогрессе, вторые стоят вне его и осуждены на вечное духовное рабство; другая мысль — высшим выразителем мирового прогресса, его верхней (последней) ступенью, является германская нация с ее протестантской церковью. Германско-протестантская цивилизация есть, таким образом, последнее слово мирового прогресса. Одни из русских последователей Гегеля вполне разделяли эти воззрения; для них поэтому древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизации и не имевшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вечный застой. Эту «азиатскую страну» (так называл ее Белинский) Петр Великий своей реформой приобщил к гуманной цивилизации, создал ей возможность прогресса. До Петра у нас не было истории, не было разумной жизни. Петр дал нам эту жизнь, и потому его значение бесконечно важно и высоко. Он не мог иметь никакой связи с предыдущей русской жизнью, ибо действовал совсем противоположно ее основным началам. Люди, думавшие так, получили название «западников». Они, как легко заметить, сошлись с теми современниками Петра, которые считали его земным богом, произведшим Россию из небытия в бытие.

Но не все люди 40-х годов думали так. Некоторые, принимая теорию мирового прогресса Гегеля, по чувству патриотизма возмущались его мнением, что германская цивилизация есть последняя ступень прогресса и что славянское племя есть неисторическое племя. Они не видели причины, почему прогресс должен остановиться на германцах; из истории они выносили убеждение, что славянство было далеко от застоя, имело свое историческое развитие, свою культуру. Эта культура была самостоятельна и отличалась от германской в трех отношениях: 1) На Западе, у германцев, христианство явилось в форме католичества и затем протестантства; на Востоке, у славян, — в форме православия. 2) Древнеклассическую культуру германцы восприняли из Рима в форме латинской, славяне — из Византии в форме гре-

ческой. Между той и другой культурой есть существенные различия. 3) Наконец, государственный быт в древнегерманских государствах сложился путем завоевания, у славян, и у русских в частности, — путем мирным; поэтому в основании общественных отношений на Западе лежит вековая вражда, а у нас ее нет. Самостоятельное развитие этих трех начал составляло содержание древнерусской жизни. Так думали некоторые более самостоятельные последователи германской философии, получившие название «славянофилов». Наибольшего развития самостоятельная русская жизнь достигла в эпоху Московского государства. Петр нарушил это развитие. Он своей насильственной реформой внес к нам чуждые, даже противоположные начала западной германской цивилизации. Он повернул правильное течение народной жизни на ложную дорогу заимствований. Он не понимал заветов прошлого, не понимал нашего «национального духа». Чтобы остаться верным этому национальному духу, мы должны отречься от чуждых западноевропейских начал и возвратиться к самобытной старине. Тогда, сознательно развивая национальные наши начала, мы своей цивилизацией можем сменить германскую и станем в общем мировом развитии выше германцев.

Таковы воззрения славянофилов. Петр, по их мнению, изменил прошлому, действовал против него. Славянофилы ставили высоко личность Петра, признавали пользу некоторых его дел, но считали его реформу не национальной и вредной в самом ее существе. У них, как и у западников, Петр был лишен всякой внутренней связи с предшествовавшей ему исторической жизнью.

Вы, конечно, уже заметили, что ни одно из рассмотренных нами воззрений на Петра не было в состоянии указать и объяснить внутреннюю связь его преобразований с предыдущей историей. Даже Карамзин не шел далее смутного намека. Эту связь Петра с прошлым уловил чутьем в 40-х годах Погодин, но не ранее как в 1863 г. он мог высказать об этом свои мысли. Причиной этому был отчасти недостаток исторического материала, отчасти отсутствие у Погодина цельного исторического мирозерцания.

Такое мирозерцание было внесено в наши университеты в конце 40-х годов, когда Погодин уже кончил свою профессорскую деятельность. Носителями новых исторических идей были молодые ученые, воззрения которых на нашу историю в то время назывались «теорией родового быта». Впоследствии же эти ученые стали известны под собирательным именем «историко-юридической школы». Они первые установили мысль о том, что

реформы Петра явились необходимым следствием всего исторического развития русской жизни. Мы уже знаем, что воспитались эти ученые под влиянием германской философии и исторической науки. В начале нашего века историческая наука в Германии сделала большие успехи. Деятели так называемой германской исторической школы внесли в изучение истории чрезвычайно плодотворные руководящие идеи и новые, точные методы исследования исторического материала. Главной мыслью германских историков была мысль о том, что развитие человеческих обществ не есть результат случайностей и единоличной воли отдельных лиц, напротив, что это развитие совершается, как развитие организма, по строгим законам, ниспровергнуть которые не может сила человека. Первый шаг к такому воззрению сделал еще в конце XVIII в. Фр. Авг. Вольф⁵ в своем труде. За ним последовали историки — Нибур⁶ и Готфрид Миллер⁷, занимавшиеся историей Рима и Греции, историки-юристы Эйхгорн⁸ (историк древнегерманского права) и Савиньи⁹ (историк римского права). Их направление создало в Германии в половине XIX в. блестящее положение исторической науки, под влиянием которой сложились и наши ученые. Они усвоили себе все выводы и воззрения немецкой исторической школы. Некоторые из них увлекались и философией Гегеля. Хотя в Германии точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила в ладу с метафизическими умствованиями Гегеля и его последователей, тем не менее историки и Гегель сходились в основном воззрении на историю как на закономерное развитие человеческих обществ. И историки, и Гегель отрицали случайность, и их воззрения поэтому могли ужиться в одной личности.

Эти воззрения и были приложены к русской истории нашими учеными. Первыми сделали это в своих лекциях и печатных трудах профессора Московского университета С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин. Они думали показать в русской исторической жизни органическое развитие тех начал, которые были даны первоначальным бытом нашего племени. Они полагали, что главным содержанием нашей исторической жизни была естественная смена одних форм жизни другими. Подметив порядок этой смены, они надеялись найти законы нашего исторического развития. По их мнению, государственный порядок окончательно установлен у нас деятельностью Петра Великого. Петр Великий своими реформами отвечал на требования национальной жизни, которая к его времени развилась уже до государственных форм бытия. Стало быть, деятельность Петра вытекла из исторической необходимости и была вполне национальна.

Так, в первый раз была установлена органическая связь преобразований Петра с общим ходом русской истории. Нетрудно заметить, что эта связь — чисто логическая, лишенная пока фактического содержания. Непосредственного исторического преемства между Русью XVII в. и эпохой Петра в первых трудах Соловьева и Кавелина указано не было. Это преемство вообще долго не давалось нашему ученому сознанию.

Стараясь сыскать это непосредственное преемство, как сами Соловьев и Кавелин, так и их последователи историки-юристы, обращаясь к изучению допетровской эпохи, склонны были думать, что Россия в XVII в. дожила до государственного кризиса. «Древняя русская жизнь, — говорит Кавелин, — исчерпала себя вполне. Она развила все начала, которые в ней скрывались, все типы, в которых непосредственно воплощались эти начала. Она сделала все, что могла, и, окончив свое призвание, прекратилась». Петр вывел Россию из этого кризиса на новый путь. По мнению Соловьева, в XVII в. наше государство дошло до полной несостоятельности, нравственной, экономической и административной, и могло выйти на правильную дорогу только путем резкой реформы («История», т. XIII). Эта реформа пришла с Петром. Так судили о XVII в. и многие другие исследователи. В обществе распространился взгляд на Московскую Русь как на страну застоя, не имевшую сил для прогрессивного развития. Эта страна дожила до полного разложения, надо было крайнее усилие для ее спасения, и оно было сделано Петром. Таким образом, преобразования Петра представлялись естественной исторической необходимостью, они были тесно связаны с предыдущей эпохой, однако только с темными, отрицательными ее сторонами, только с кризисом старого строя.

Но такое понимание исторического преемства между старой Русью и реформой в последние десятилетия заменилось другим. Новую точку зрения внес в науку тот же Соловьев. Необходимо заметить, что его взгляды на реформу Петра с самого начала его научной деятельности отличались некоторой двойственностью. В одной из ранних своих статей («Взгляд на историю установления государственного порядка в России», 1851 г.), говоря о критическом положении Московского государства в XVII в., Соловьев не ограничивается только указанием на явление этого кризиса, но замечает, что государи XVII в. для удовлетворения новых нужд государства начали ряд *преобразований*. «В течение XVII в., — говорит он, — явно обозначились новые потребности государства, и призваны были те же средства для их удовлетворения, которые были употреблены в XVIII в. в так называемую

эпоху преобразований». Таким образом Петр не только получил от старого порядка одно сознание — необходимости реформ, но имел предшественников в этом деле, действовал ранее намеченными путями. Словом, он решал старую, не им поставленную задачу, и решал ранее известным способом. Позднее Соловьев блистательно развил такой взгляд в своих «Чтениях о Петре Великом» в 1872 г. Здесь он прямо называет Петра «сыном своего народа», выразителем народных стремлений. Бросая общий взгляд на весь ход нашей истории, он следит за тем, как естественно развивалось у наших предков сознание бессилия, как постепенно делались попытки исправить свое положение, как постоянно стремились лучшие люди к общению с Западом, как крепло в русском обществе сознание необходимости перемен. «Народ собрался в дорогу, — заканчивает он, — и ждал вождя»; этот вождь явился в лице Петра Великого.

Высказанный после долгого и пристального изучения фактов, этот взгляд Соловьева поражает и глубокой внутренней правдой, и мастерством изложения. Не один Соловьев в 60-х и 70-х годах думал так об историческом значении реформы (вспомним Погодина), но одному Соловьеву удалось так убедительно и сильно формулировать свой взгляд. Петр — подражатель старого движения, знакомого древней Руси. В его реформе и направление, и средства не новы — они даны предшествовавшей эпохой. Нова в его реформе только страшная энергия Петра, быстрота и резкость преобразовательного движения, беззаветная преданность идее, бескорыстное служение делу до самозабвения. Ново только то, что внес в реформу личный гений, личный характер Петра. Такая точка зрения дала теперь полное историческое содержание мысли об органической связи реформы Петра с общим ходом русской жизни. Эта мысль, как я указал, явилась у нас чисто логическим путем, как априорный вывод из общего исторического созерцания некоторых ученых. В трудах Соловьева этот исторический вывод получил твердое основание; реформа Петра, так сказать, конкретно связалась с предыдущими эпохами.

Развивая общее наше историческое сознание, идея Соловьева дала направление и многим частным историческим исследованиям. Исторические монографии о XVII в. и времени Петра констатируют теперь связь преобразований с предыдущими эпохами и в отдельных сферах древнерусской жизни. В результате таких монографий является всегда одинаковый вывод, что Петр непосредственно продолжал начинания XVII в. и оставался всегда верен основным началам нашего государственного быта, как

он сложился в XVII в. Понимание этого века стало иным. Недалеко то время, когда эпоха первых царей Романовых представлялась временем общего кризиса и разложения, последними минутами тупого застоя. Теперь представления изменились: XVII век представляется веком сильного общественного брожения, когда сознавали потребность перемен, пробовали вводить перемены, спорили о них, искали нового пути, угадывали, что этот путь в сближении с Западом, и уже тянулись к Западу. Теперь ясно, что XVII век подготовил почву для реформы и самого Петра воспитал в идее реформы. Увлекаясь этой точкой зрения, некоторые исследователи склонны даже преуменьшать значение самого Петра в преобразованиях его эпохи и представлять эти преобразования как «стихийный» процесс, в котором сам Петр играл пассивную роль бессознательного фактора. У П. Н. Милюкова в его трудах о петровской реформе («Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра В.» и «Очерки по истории русской культуры») находим ту мысль, что реформа часто «из вторых рук попадала в сознание преобразователя», бессильного удержать ход дела в своем распоряжении и даже понять направление событий. Нечего и говорить, что такого рода взгляд есть крайность, не разделяемая последующими исследователями преобразований (Н. П. Павлов-Сильванский¹⁰, «Проекты реформ в записках современников Петра В.»).

Итак, научное понимание Петра Великого основывается на мысли, полнее и справедливее всего высказанной Соловьевым. Наша наука успела связать Петра с прошлым и объяснить необходимость его реформ. Факты его деятельности собраны и обследованы в нескольких ученых трудах. Исторические результаты деятельности Петра, политической и преобразовательной, тоже не один раз указаны. Теперь мы можем изучить Петра вполне научно.

Но если наша историческая наука пришла к воззрению на Петра, более или менее определенному и обоснованному, то в нашем обществе еще не выработалось однообразного и прочного отношения к его преобразованиям. В текущей литературе и в обществе до сих пор крайне разнообразно судят о Петре. Продолжаются время от времени немного запоздалые споры о степени национальности и необходимости Петровых реформ; подымается довольно праздный вопрос о том, полезна или вредна была реформа Петра в ее целом. Все эти мнения, в сущности, являются видоизмененными отголосками исторически слагавшихся воззрений на Петра, которые я старался изложить в хронологической последовательности.

Если мы еще раз мысленно переберем все старые и новые взгляды на Петра, то легко заметить, как разнообразны они не только по содержанию, но и по тем основаниям, из которых вытекали. Современники и ближайшее потомство Петра, лично задетые реформой, судили о нем беспокойно: в основании их отзывов лежало чувство или крайней любви, или ненависти. Чувство столько же руководило и теми людьми XVIII в., которые, как Щербатов, грустно смотрели на развращение современных нравов и считали его плохим результатом резкой реформы. Все это — оценки скорее всего публицистического характера. Но в основе карамзинского взгляда лежало уже отвлеченное моральное чувство: ставя Ивана III выше Петра, он насильственные приемы Петра при проведении преобразований осуждал с высоты моральной философии. В воззрениях западников и славянофилов наблюдаем опять новое основание — отвлеченное мышление, метафизический синтез. Для них Петр менее — историческое лицо и более — отвлеченное понятие. Петр — как бы логическая посылка, от которой можно идти к тем или другим философским заключениям о русской истории. От влияния метафизики не свободны и первые шаги исследователей историко-юридической школы; но фактическое изучение нашей истории, которое производилось ими очень добросовестно, дало нашим ученым возможность избавиться от предвзятых доктрин. Руководимые фактами, стремясь к строго научному выводу, они создали научное отношение к эпохе Петра Великого. Это научное отношение будет, конечно, далее развиваться в нашей науке. Но уже теперь плодом его является возможность основательно и свободно судить о Петре. Его личность не оторвана от родной его почвы, он для нас уже не Бог и не антихрист, он — определенное лицо, с громадными силами, с высокими достоинствами, с человеческими слабостями и недостатками. Мы теперь вполне понимаем, что его личность и пороки — продукт его времени, а его деятельность и исторические заслуги — дело вечности.

